

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

---

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2022 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 17

№ 1–2

Д. Н. ТИХОБРАЗОВ
«БЛИЖАЙШЕЙ ЦЕЛЮ МОЕЙ БЫЛО ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ СЛУЖЕНИЯ УКРАИНСКОМУ СЕПАРАТИЗМУ».
ВОСПОМИНАНИЯ О СОБЫТИЯХ НА УКРАИНЕ
В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 Г.

Андрей Владиславович Ганин

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Аннотация

Материал представляет собой первую публикацию отрывка из воспоминаний полковника Д.Н. Тихобразова о событиях на Украине в конце 1918 — начале 1919 г. Воспоминания хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. В публикуемом фрагменте описано вынужденное поступление мемуариста на службу в армию Директории Украинской народной республики и отказ от этой службы. Воспоминания позволяют понять, каким было отношение ориентированных на белых офицеров к петлюровцам, какие порядки царили в украинских войсках, в том числе в вопросах дисциплины. Мемуары содержат бытовые зарисовки украинской жизни времен германской оккупации.

Ключевые слова

Гражданская война, революция, Украина, офицерство

Статья поступила в редакцию 23 мая 2022 г.

Цитирование: *Ганин А. В.* Д. Н. Тихобразов. «Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму». Воспоминания о событиях на Украине в конце 1918 — начале 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 142–159. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.08>

**DMITRY TIKHOBRAZOV:
“MY IMMEDIATE GOAL WAS TO GET OUT
OF SERVING UKRAINIAN SEPARATISM”.
REMINISCENCES ABOUT THE EVENTS IN UKRAINE
IN LATE 1918 – EARLY 1919**

Andrey V. Ganin

D. Sc., Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Abstract

This article introduces previously unpublished memoirs of Colonel Dmitry Nikolaevich Tikhobrazov about the events in Ukraine between late 1918 and early 1919. These memoirs are stored at the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University in New York. The published fragment describes the attempted conscription of the memoirist to serve in the army of the Ukrainian People’s Republic Directory and the refusal of this service. These memoirs give us an insight into the attitude of white-oriented officers to the Petliurists and into what orders were issued to the Ukrainian troops, including in matters of discipline. The memoirs contain everyday sketches of Ukrainian life during the German occupation.

Keywords

Russian Civil War, revolution, Ukraine, officers

Received 23 May 2022

How to cite: Ganin, A. V., D. N. Tikhobrazov. “Blizhaishei tsel’iu moei bylo izbavit’sia ot sluzheniia ukrainскому separatizmu”. *Vospominaniia o sobytiiakh na Ukraine v kontse 1918 — nachale 1919 g.* [Dmitry Tikhobrazov: “My Immediate Goal Was to Get out of Serving Ukrainian Separatism”. Reminiscences about the Events in Ukraine in Late 1918 — Early 1919]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (1–2), pp. 142–159. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.08>

Полковник Дмитрий Николаевич Тихобразов (23.06.1886 — 20.12.1974) прожил долгую жизнь и, оказавшись в эмиграции, написал объемные воспоминания о пережитом в России в начале XX в. Эти воспоминания хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. В них описана служба автора в русской императорской армии, его участие в Первой мировой и Гражданской войнах. Особую ценность воспоминаниям придает то, что в годы Первой мировой войны Тихобразов служил в Ставке верховного главнокомандующего и оказался очевидцем многих важных событий оте-

чественной истории¹. Однако не менее интересны и дальнейшие воспоминания. В частности, о пребывании мемуариста на Украине в 1918–1919 гг.

Ниже в полном объеме публикуется глава 18 воспоминаний Тихобразова, которая носит название «У петлюровцев (середина декабря 1918 г. — начало января 1919 г.)». Особенностью мемуаров Тихобразова является наличие в них объемных примечаний самого мемуариста (под названием — Приложение), цитирующего различные документы. При подготовке публикации они были вынесены в соответствующие сноски. Большая часть приложений к публикуемой главе посвящена императорской семье и письмам императрицы Александры Федоровны Николаю II о родственниках Тихобразова, прежде всего, о его кузине — Лили Ден. Цитируемые автором письма императрицы, в которых та интересовалась лишь бытовыми мелочами и суевериями, показывают, с точки зрения мемуариста, ее обывательское сознание.

Д. Н. Тихобразов окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1903), Михайловское артиллерийское училище (1906) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1913). Служил в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде и, несомненно, был носителем особого гвардейского мировоззрения². Тем более, что родные офицера (в частности, его кузина Ю. А. фон Ден, о которой пойдет речь в публикуемом фрагменте воспоминаний) были близки к царской семье. В годы Первой мировой войны, как уже говорилось, Дмитрий Николаевич служил в Ставке верховного главнокомандующего. По характеристике генерала П. С. Махрова, это был «талантливый, тактичный и умный офицер Генерального штаба, [который] пользовался доверием и уважением генерала [М. В.] Алексеева»³. Генерал С. А. Щепихин, знавший Тихобразова по штабу 3-й армии, считал, что это был «очень милый и симпатичный, до невероятности тихий и безобидный человек»⁴.

К началу Гражданской войны Тихобразов выслужил чин подполковника. Некоторое время с родителями и братом он спокойно прожил в городе Валки Харьковской губернии, но когда на Украине началось антигетманское восстание, а затем и советское наступление, избежать вовлечения в конфликт стало практически невозможно. В декабре 1918 г. Тихобразов получил приказание явиться в штаб главнокомандующего Левобережным фронтом войск Директории Украинской народной республики (УНР) П. Ф. Болбочана, находившийся тогда в Кременчуге.

¹ См., напр.: Ганин А. В. Могилев. Ставка. Генерал на штыках // Родина. 2021. № 8. С. 108–111.

² Подробнее об этом периоде службы Тихобразова см.: Черная книга. Дневники гвардейского офицера В. С. Савонько. 1899–1909 / Сост. А. И. Алексеев и др. М.: Индрик, 2019.

³ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. P. S. Makhrov Collection. Box 4. Тетрадь 4. С. 342.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.

В период Директории начались преследования бывших русских офицеров, оказавшихся на подконтрольной новым украинским властям территории. П. Ф. Болбочан, который сам ранее служил в старой армии (последний чин — капитан), имел репутацию командира, понимавшего необходимость привлечения на службу опытных командных кадров. Иного источника таких кадров, кроме бывших русских офицеров, тогда не существовало. Среди прочих приглашение на службу как опытный генштабист получил и Д. Н. Тихобразов. Такой подход раздражал украинских политических деятелей националистического толка⁵. С другой стороны, Болбочан выступал противником каких-либо соглашений с большевиками, тогда как социалисты из Директории вели с ними переговоры на предмет легализации коммунистической партии на Украине. Болбочана, который не стремился сотрудничать с демократической общественностью и революционными организациями, они считали реакционером. Высказывались подозрения в том, что он даже стремился объединиться с белыми. Впрочем, конкретных доказательств этому не было. Популярный военачальник вызывал опасения и как потенциальный военный диктатор. В дальнейшем на фоне ухудшавшегося положения на фронте конфликт Болбочана с правительством обострялся. В итоге в январе 1919 г. Болбочан был снят с должности и арестован. Впоследствии по приказу главы Директории С. В. Петлюры его судили⁶. Суд вынес расстрельный приговор, который затем был приведен в исполнение.

В публикуемом отрывке описано вынужденное поступление Тихобразова на службу в армию УНР и отказ от этой службы. Воспоминания позволяют понять, каким было отношение ориентированных на белых офицеров к петлюровцам, какие порядки царили в украинских войсках, в том числе в вопросах дисциплины. Мемуары содержат бытовые зарисовки украинской жизни времен германской оккупации, описывают столкновения украинских войск с германскими войсками и в целом передают дух эпохи.

В дальнейшем Тихобразов покинул Украину и примкнул к белым. Служил в Вооруженных силах на Юге России (ВСЮР), а позднее в сформированной на их основе Русской армии. Являлся штаб-офицером для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР. Был произведен в полковники. Эвакуировался в Турцию. Впоследствии перебрался во Францию. Состоял в Обществе офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Жил и умер в Каннах.

Следует учитывать, что мемуары были написаны Тихобразовым через много лет после событий и содержат разного рода ошибки и неточности.

⁵ Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004. С. 43.

⁶ Там же. С. 254–256.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

*Вступительная статья,
публикация и примечания
А. В. Ганина*

Глава XVIII

У петлюровцев

(середина декабря 1918 г. — начало января 1919 г.).

Из воспоминаний Генерального штаба полковника Тихобразова

Узнав, что штаб главнокомандующего войсками Левобережной Украины находится в Полтаве, я еду туда и прибываю ночью. Мне остается только ждать рассвета на вокзале⁷, что я и делаю, расположившись спать на одной из вокзальных скамеек под открытым небом. Морозило сильно, но от холода спасают меня мое толстое офицерское ватное пальто и шлем из верблюжьей шерсти, которым перед отъездом снабдил меня брат⁸.

Встав рано и узнав, что штаб главнокомандующего находится еще в Кременчуге, так как предназначенные ему в Полтаве помещения еще не подготовлены для их занятия, с утренним поездом еду я в Кременчуг.

Приехав, являюсь [к] генерал-квартирмейстеру атаману Рейхенбергу⁹. Тот радушно встречает меня и ведет представить меня «по начальству».

Главнокомандующий войсками Левобережной Украины атаман Болбочан¹⁰ незадолго перед революцией был штабс-капитаном одного из пехотных полков императорской армии. Он представился моим глазам в виде молодого стройного офицера, одетого «с иголочки» в щегольскую затейливую форму, отличавшуюся от русской некоторыми красочными частностями,

⁷ Город находился далеко от вокзала (*примеч. Д. Н. Тихобразова*).

⁸ Тихобразов Николай Николаевич (1884-?) — полковник. Служил во ВСЮР и в Русской армии.

⁹ Тихобразов неточен. Речь идет о начальнике штаба Левобережного фронта армии УНР полковнике Богдане Николаевиче Гейденрейхе (1888-?), который не был офицером Генерального штаба. В 1919 г. он был арестован вместе с П. Ф. Болбочаном. Позднее служил во ВСЮР. Выражаю благодарность канд. ист. н. М. А. Ковальчуку за это уточнение.

¹⁰ У Тихобразова в ряде случаев ошибочно — Болбочан. Болбочан (Балбочан) Петр Федорович (05.10.1883 — 28.06.1919) — полковник украинской армии. П. Ф. Болбочан в ночь на 16 ноября 1918 г. поднял восстание против гетмана в Харькове, после чего выдвинулся к Полтаве. Главнокомандующий Левобережным фронтом войск Директории (с 17.11.1918). Прототип полковника Болботуна из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия».

напоминавшими опереточные формы¹¹. Она ему, видимо, очень нравилась, и он в ней заметно рисовался.

Начальником его штаба был скромного и положительного вида атаман Шидловский, на год старше меня по Михайловскому артиллерийскому училищу. Насколько я помню, в училище он себя ничем особенным не проявил, и, может быть, я теперь неправильно вспоминаю его фамилию.

Но это и неважно, так как с ним я имел лишь один разговор в день моего представления, который передаю дословно.

Первые обращенные ко мне слова были по-украински, на что я ответил по-русски, что на «украинской муве»¹² я не говорю.

Три атамана переглянулись. Рейхенберг встал и закрыл дверь комнаты, чтобы им можно было говорить со мной на русском языке.

– Вы поступили к нам добровольно? — обратился ко мне начальник штаба, который взял на себя вести разговор со мной.

– Если хотите, то добровольно, после заявления кошевого атамана, что если я утеку, то меня поймают и повесят, — ответил я с легкой улыбкой.

– Ну, не будем об этом говорить, — продолжал любезным тоном атаман. — А теперь вы ведь соглашаетесь у нас служить?

– На ваш вопрос я затрудняюсь ответить сразу. Полгода прожил я в деревне, вдали от политики¹³, и с политической обстановкой данного момента я совершенно не знаком. Позвольте дать вам ответ, ознакомившись с обстановкой.

– Может быть, ваше самолюбие задето тем, что мы все атаманы, а вас принимаем всего лишь войсковым старшиной¹⁴?

– Ну, этот вопрос не играет для меня особой роли.

– Тогда будем надеяться, что почва для нашего сотрудничества может быть найдена.

После этих слов мы все встали. Болбочан и его начальник штаба дружески пожали мне руку, а Рейхенберг повел меня в оперативное отделение представить мне моих двух помощников.

Они стояли перед столом с разложенной картой. Оба в русской форме, но без знаков отличия. На вид армейские строевые офицеры, скромные и подтянутые. Возраст их соответствовал чину штабс-капитана и поручика императорской армии. Фамилий их не помню.

¹¹ Подробнее об униформе украинских войск того периода см.: *Тинченко Я. Ю.* Армии Украины 1917–1920 гг. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. Болбочан был отстранен от командования фронтом, в том числе из-за наличия у его подчиненных погон, что интерпретировалось как симпатия к белым. В дальнейшем он был арестован и расстрелян.

¹² Здесь и далее — так в документе. Правильно — мове.

¹³ Д. Н. Тихобразов с родителями и братом некоторое время в 1918 г. проживал в городе Валки Харьковской губернии.

¹⁴ Атаман в украинских войсках соответствовал чину генерал-майора старой армии, войсковой старшина — чину подполковника.

Рейхенберг дал общий обзор военной обстановки. Я слушал его крайне рассеянно. Проведенная на морозе ночь, притом на скамейке, отразилась на моей голове, в которой шумело и ничего не задерживалось.

А между тем Рейхенберг, генерал-квартирмейстер, старался поставить «в курс дела» нового начальника оперативного отделения, которому атаману единогласно решили предоставить этот пост после того, как узнали, что в императорской Ставке он был помощником начальника оперативного отделения.

С нетерпением я ждал конца протекавшей мимо моих ушей ориентировки.

– Теперь вам надо пойти устроиться. Вот ордер на отвод вам гостиничного номера.

Я пошел в указанную гостиницу и передал ордер швейцару. Тот, поднявшись в номер, скоро вернулся и сообщил мне, что занимающая предназначенную мне комнату дама с маленькой девочкой умоляет меня позволить ей оставаться в номере хотя бы до полудня.

Я лично знал, что свободных номеров в городских гостиницах не было, и что реквизиция ее номера была равносильна выбрасыванию ее с ребенком на улицу. Поэтому я попросил передать даме, что от ее номера я отказываюсь, дабы она могла в нем оставаться.

Великодушие жеста навело меня на блестящую мысль.

Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму. Средством к тому представлялось мне мое увольнение «в домашнем порядке», как то удалось мне при взятии Ставки большевиками. А для этого мне надо было в самое короткое время завязать дружеские сношения с ближайшим начальником, в данном случае с атаманом Рейхенбергом.

Этому открывал¹⁵ дорогу мой отказ от выселения женщины с малым ребенком, сделанный из чисто гуманных соображений.

Прихожу к атаману в номер.

– Ну что, устроились?

– Нет, пришлось от номера отказаться.

И я изложил обстановку.

Рейхенберг занимал большую комнату. Задняя ее половина тяжелой портьерой, закрывавшей кровать, отделялась от гостиной, меблированной большим диваном, столом и двумя мягкими креслами по бокам. Рейхенберг был за портьерой, что позволило мне внимательно осмотреть комнату.

– Думаю, что у самого черствого человека не нашлось бы духа выбросить на улицу женщину с ребенком, тем более что оставаться в Кременчуге мы долго не будем, и что дело идет лишь о том, чтобы где-либо и как-либо провести ночь. Лично для меня какой-либо диван в углу был бы вполне достаточен.

¹⁵ В документе — открывало.

За портьерой Рейхенберг не видел, что глаза мои устремлены были на его диван.

Выйдя в гостиную, Рейхенберг заметил: «Вот здесь у меня свободный диван, только не знаю, подойдет ли он вам?»

Этого мне только и нужно было.

– Лучшего мне и не надо.

– Ну и отлично. Располагайте диваном.

Имея уменье и опыт завоевывать человеческие симпатии и располагать людей к себе, первый день моего пребывания в обществе Рейхенберга посвятил я установлению дружеских отношений между нами. С общих вопросов разговор переходил и на военные текущего момента, но я не мог удержать моего собеседника от сообщения мне ближайших военных целей. Против моей воли я все глубже и глубже погружался в украинскую тину. Надо было скорее приблизиться к драматической развязке, и лучшим моментом для объяснений счел я утро следующего дня: надо было обдумать план действий и соответственно их подготовить.

Когда утром Рейхенберг ушел купить себе провизии к утреннему чаю, я наскоро съел оставшийся у меня с дороги бутерброд и запил его водой, прежде чем мой сожитель вернулся в своей номер.

Рейхенберг развернул на столе свои покупки, между прочим, очень аппетитную ветчину.

– Можно ли вам предложить кусок ветчины? — дружески спросил меня атаман.

– Благодарствую, я уже успел закусить оставшимся у меня бутербродом.

– Поверьте, предлагаю вам по-товарищески и от чистого сердца. Бросьте ваши гвардейские привычки и перестаньте стесняться.

Я деланно замялся. Надо было до мелочей выдержать тон.

Рейхенберг вопросительно посмотрел на меня.

– Вы думаете, что я стесняюсь принять ваше угощение, не имея средств вам отплатить тем же. По существу, может быть, это и так, но главная причина лежит в другом.

– В чем же[?]

– Вы вынуждаете меня на полную откровенность. Извольте. Я не могу с чистым сердцем принять вашу хлеб-соль. Вы так сердечно, по-товарищески, приняли меня, а я с ужасом вижу, что не могу ответить вам тем же.

– Я вас не понимаю.

– Признаюсь вам откровенно, что служить с вами я не могу. Из ваших слов я узнал, что Украинская армия находится во враждебных отношениях с Добровольческой, и что между ними происходят кровавые столкновения. В Добровольческой армии служат мои бывшие начальники и сослуживцы, мои братья по духу, и идти против них я не могу.

Говорил я это искренно и большим чувством.

– Ваша откровенность благородна до дерзости. Но скажите мне на милость, почему вы это не сказали нам при первой встрече, и прежде чем мы не познакомили вас с нашим военным положением? Уж не шпион ли вы? В таком случае мы принуждены будем вас расстрелять.

– Вчера перед командным составом армии я доложил, что не могу дать окончательного ответа, прежде чем не ознакомлюсь с общей обстановкой. Конечно, с моей стороны было крайне неосторожно позволить вам поведавать ваши военные секреты, но они позволили мне правильно отдать себе отчет в происходящем и убедиться, что служить в украинской армии с моими убеждениями я не могу.

Что же касается вашего предположения, не шпион ли я, оно разрешается моим откровенным признанием. Будь я шпион, я бы всячески прикидывался вашим единомышленником, чтобы под личиной преданного усердия удобней изменять вам, сообщая ваши секреты вашим врагам и работая в пользу добровольцев.

– Ну, этого вам бы ни в коем случае не удалось бы! За вами был бы учрежден строгий негласный надзор.

– Но, повторяю вам, о соглядатайстве не может быть и речи. Ни один шпион не станет громогласно объявлять, что он шпион или что он идейный враг страны, которой он изменяет.

– Положим, вы правы. Что же, собственно говоря, хотите вы теперь от нас?

– Хочу, чтобы вы попросту меня отпустили, как это в свое время сделали со мной большевики. Чем же вы хуже большевиков?..

Рейхенберг молчал.

– Конечно, вы познакомили меня с вашим военным положением, но я вам даю мое честное слово, что останусь под вашим, если это необходимо, наблюдением месяц-другой. За это время обстановка изменится. Я же могу оставаться недалеко отсюда, живя в Крюкове¹⁶, у тетки моей жены, богатой помещицы Велецкой.

– Которой принадлежит Белецковка? Как, Велецкая — ваша родственница? Мы ее отлично знаем, она нас отменно принимала и отпустила нам из своего имения все, что было нам нужно. Очень милая особа ваша тетушка. Увидите ее, кланяйтесь ей от меня. А о вас сейчас пойду доложить главнокомандующему. Идите в штаб, где и дан вам будет его ответ.

Я отправился в штаб и скромно оставался ждать решения моей судьбы, стоя в приемной. Ждал довольно долго. Мимо меня прошел, не без рисовки, атаман Болбочан. Он не только не поздоровался со мной, но его взор скользнул по мне, как по пустому месту. Через некоторое время после него вышел и Рейхенберг.

– Решено вас не удерживать. Вы свободны.

¹⁶ Против Кременчуга, по другую сторону Днепра (примеч. Д. Н. Тихобразова).

– Искренно вас благодарю. Но уход мой от вас надо должным образом оформить, если вы искренно желаете меня отпустить. Не то — кто может поручиться, что меня не пристрелят «нечаянно» на первом же углу, или, что еще хуже, не заберут в ваши войска при новой мобилизации?

– Что же вы со своей стороны можете предложить?

– Как в моих, так и в ваших интересах надо придать моему уходу легальную форму. Отпустите меня в 2-х месячный по болезни отпуск, как то сделали большевики. Это оформит мое положение, да и у вас в штабе мой внезапный уход не вызовет никаких вредных толков.

– Отлично. Обратитесь от моего имени к штабному врачу, прося его выдать вам соответствующее медицинское свидетельство.

Пожав друг другу руку, мы расстались.

Между тем, как нарочно, в тот же день штаб Болбочана из Кременчуга переезжал в Полтаву. Это упростило вопрос моего сожительства с Рейхенбергом.

Прибыв в Полтаву, я, как ни в чем не бывало, получил ордер на реквизицию комнаты, на куске (неаккуратно оторванной) полусерой бумаги, на которой простым глазом можно было прочесть слова: «Тихообразов», «Алексенко», «Кірпічней» и две подписи: Хор[унжий] Бардачевский, а другая неразборчивая.

Бумажка носила бланк: Полтавський повітовий¹⁷ комендант. По части... 26 груд[ня]¹⁸ 1918 р.¹⁹ №1738. м.²⁰ Полтава.

Рассматривая в лупу, можно с трудом прочесть:

Старшина²¹ штабу Армії Лівобережної України Тихообразов.

Цим... що для Вас реквізовано 1 комнату в ква[р]т[ире] Алексенко на Кирпічней вулиці...

і.о.²² коменданта хор[унжий] Бардачевский

Коменданський есаул (подпись).

Я пошел на Кирпичную улицу и нашел, что дом Алексенко был в голове улицы и носил номер 4^и. Домик небольшой, одноэтажный, комната приличная, небольшая, но чистая. В ней могу спокойно жить до устройства моих частных дел. Питаться хожу в ресторан. Ношу военный френч без погон, но увешанный четырьмя орденами.

– Как не боялись вы их носить? — спросил меня кто-то год спустя, встретив меня на территории «Вооруженных сил Юга России».

– Не только не боялся, но чувствовал, что они давали мне некоторую безопасность.

¹⁷ Здесь и далее Д. Н. Тихообразов с ошибками воспроизводит украинский текст. Уездный (укр.).

¹⁸ Декабря (укр.).

¹⁹ Года (укр.).

²⁰ Город (укр.).

²¹ Офицер (укр.).

²² Речь идет об исполняющем обязанности.

Устроившись в Полтаве, обратился я к штабному военному врачу, «щиро-му»²³ украинцу. Передал ему просьбу генерал-квартирмейстера о выдаче мне медицинского свидетельства «на предмет увольнения в двухмесячный отпуск».

Уязвленный в своем самолюбии и профессиональном достоинстве, врач холодно мне ответил на «народной муве», что в моем внешнем виде он ничего болезненного не находит, а потому и осматривать меня не будет. Если же я страдаю нервами, то и другие не в лучшем состоянии. Если же начальство находит необходимым отпустить меня по болезни в отпуск, то того же заслуживают и остальные служащие штаба.

Не вступая в пререкания, я пошел к Рейхенбергу и передал ему о моем разговоре с[о] штабным врачом.

Вызвав штабного врача к телефону, Рейхенберг раздраженно стал говорить с ним, но врач был непоколебим. Рейхенбергу оставалось только прекратить бесплодный разговор, перешедший, видимо, на принципиальную почву.

— Знаете что? — сказал мне атаман, — вам следует обратиться к русско-му врачу. Здесь в *** военном госпитале русский; профессор Х²⁴. Обратитесь к нему. Он нас поймет и закидываться²⁵ не станет.

Разыскать в городе указанный госпиталь. Но встретить профессора все не удавалось. То он осматривал пациентов, то делал операции...

Наконец, мне как-то удалось перехватить его на пути в операционную комнату.

Конечно, встретил профессор меня словами: «Мне некогда, я тороплюсь». Узнав, что у меня «минутное» дело и что я обращаюсь к нему как русский к русскому, профессор выслушал мою просьбу, объясненную обстоятельствами, ее вызвавшими.

— Странные они люди. По служебной иерархии я как госпитальный врач подчиняюсь врачу штаба армии. Штаб же, минуя начальствующего врача, обращается к его подчиненному. Выходит, что я ставлюсь выше моего начальства.

— Меня штаб просил обратиться именно к вам. Это показывает только, насколько высоко стоит ваш личный авторитет.

Конечно, в моих словах было много лести, но, по существу, она была чистой правдой, приятной для профессора, а меня несколько не унижающей.

— Ну, пойдем, осмотр много времени не возьмет. А без него как могу я выдать вам свидетельство?

Мне было стыдно затруднять профессора, но он внимательно выслушивал, выстукивал, ударял молоточком мои колена, от чего нога высоко подскакивала...

²³ Истинному, настоящему (укр.).

²⁴ Не помню ни наименования полевого госпиталя, ни фамилии профессора (*примеч. Д. Н. Тихобразова*).

²⁵ Т. е. задаваться.

Одним словом, он подверг меня полному медицинскому осмотру.

– Не кривя душой, могу сказать, что ваша нервная система расшатана, и вам был бы очень полезен отдых.

И профессор изложил на бумаге все обнаруженные недочеты и вывел заключение о необходимости двухмесячного отпуска.

Я от души поблагодарил профессора и полетел в штаб.

Являюсь к Рейхенбергу и протягиваю ему свидетельство профессора. Атаман не скрыл от меня своего удовлетворения и повел меня к дежурному генералу, в котором узнаю я своего «однокашника» по Киевскому корпусу Выгановского²⁶.

Пока мне готовили «посвідчення»²⁷, я разговаривал с ним и Рейхенбергом. Когда вартовый атаман²⁸ Выгановский и голова загального виддилу²⁹ сотник Л. Ромар подписали мое удостоверение, Рейхенберг с большой любезностью передал мне его с пожеланием счастливого пути и с просьбой передать привет «любезной Екатерине Леонидовне Велецкой», к которой я, согласно уговору, отправлялся.

Переданный мне документ гласил:

Вартовый атаман
штабу
головнокомандуючого
арміями Лівобережної України
січня³⁰ 3 дня 1919 р.
№ 193
Дієва армія³¹
м. Полтава

Посвідчення

Пред'явник цього є дійсно військовий старшина Тіхобразів Дмитрій Миколаєвич прикомандірован до штабу армій Лівобережної України, звільнен мною по хворості в двухмісячний відпіск в[о] всі місця Української Народної Республіки, що підписом та додатком урядової печатки свідчиться³².

²⁶ Возможно, Выгоновский Фаддей Люцианович — штабс-капитан (впоследствии — подполковник).

²⁷ Свидетельство (укр.).

²⁸ Дежурный генерал (укр.).

²⁹ Начальник общего отдела (укр.).

³⁰ Января (укр.).

³¹ Действующая армия (укр.).

³² Свидетельство. Предъявитель сего есть действительно войсковой старшина Тихобразов Дмитрий Николаевич, прикомандированный к штабу армии Левобережной Украины, уволен мною по болезни в двухмесячный отпуск во все места Украинской народной республики, что подписями и приложением правительственной печати удостоверяется (укр.).

Следуют вышеуказанные подписи и приложена медная печать.

Перед отъездом захожу в оперативное отделение попрощаться с теми, кто должны были быть моими помощниками. «Скажите, пожалуйста, — обращается ко мне старший из них по-русски, — какого вы мнения о нашем военном положении?»

Мы подошли к оперативной карте, разложенной на столе.

— Буду с вами совершенно откровенным. На мой взгляд, положение войск Левобережной Украины безнадежно. Стоит только взглянуть на их расположение, чтобы увидеть, что они заперты в узком мешке, растянутом от Киева до Харькова. С трех сторон они окружены враждебными силами. Тыла у них нет. Малейший удар с севера или с юга перережет ваше узкое, растянутое положение, и отрезанной восточной части грозит полный разгром, если вам не удастся спастись за Днепр. Я более чем уверен, что не пройдет месяца или двух, как вам придется отходить через Винницу в Галицию, откуда вы и пришли.

Пожав обоим офицерам руку:

— До свидания. Я буду лечиться, живя под Кременчугом, где, может быть, скоро и увидимся.

Мои слова оказались пророческими.

Уже в темноте на извозчичьих санках спустился я к полтавскому вокзалу. Давая сдачу, мой возница всучил мне фальшивые 50 карбованцев, чего я в темноте заметить не мог и этим очень раздосадовался: надо сказать, что со времени призыва на службу я никакого денежного довольствия не получил.

Приехав на вокзал, узнаю, что регулярного пассажирского сообщения с Кременчугом не было. Все поездные составы заняты были перевозками войск, в том числе и германских частей, покидающих Украину.

На платформе встретил своего бывшего профессора генерала Юнакова³³, который так высоко оценил в академии мою военно-историческую тему.

Узнав, что я принадлежу к штабу украинского главнокомандующего, он попросил меня посодействовать ему в получении «какого-нибудь» места в этом штабе, в чем я выразил полнейшую готовность, умалчивая о том, что я фактически больше в штабе не состою, хотя и имею отпускное свидетельство.

Не видя отходящих поездов, пошел я бродить по запасным путям. На одном из них услышал немецкую речь. Увидя у одной из теплушек немецкого офицера, я подошел к нему.

³³ Юнаков Николай Леонтьевич (06.12.1871 — 01.08.1931) — генерал-лейтенант. Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (1911–1914). Служил в украинской армии (с 05.1918). Генеральный-значковый (с 24.09.1918, со старшинством с 10.04.1918). Глава комиссии по созданию военных школ Главного военно-учебного управления Военного министерства Украинской державы (1918). Начальник Главного военно-учебного управления (с 01.08.1918). Начальник военной академии (с 29.10.1918, не открылась). Помощник главного инспектора войск Украинской народной республики (УНР, 1919).

– Не разрешите ли вы мне доехать вместе с вами до Кременчуга? Я русский офицер, и мне с украинцами оставаться нельзя.

– Сейчас спрошу согласия моих товарищей. И германец поднялся в теплушку.

Как на петроградском вокзале помог мне французский язык, так на полтавском немецкий язык вывел меня из большого затруднения.

Минут через десять, принеся с вокзала свои вещи, сидел я в кругу германских офицеров, гревшихся у железной печурки теплушки.

Ночью «наш» эшелон тронулся... Под утро принужден был остановиться на одной из промежуточных станций, когда он подвергся ружейному огню.

Раздалась звонкая команда. Немцы повывскакивали из вагонов, офицеры собрали своих чинов и вскоре на беспорядочный огонь отвечать стали ружейными залпами.

В офицерской теплушке оставался один только я. Вагон пробивался пулями, но все они ударили значительно выше головы. Немецкие залпы заставили украинцев прекратить огонь и очистить путь германскому эшелону.

Отбив атаку, немцы вернулись в вагоны, и поезд наш тронулся, не имея других столкновений до самого Кременчуга.

Как я обещал Рейхенбергу, я сразу поехал к Екатерине Леонидовне Велецкой³⁴.

«Тетя Катя»³⁵ жила в Крюкове в своем большом особняке, в котором помещался эксплуатируемый ею кинематограф.

Последний занимал большую часть здания, оставляя для жилья большую столовую и 3–4 комнаты, занимавшиеся семьей домовладелицы: ее дочерью от первого брака с генералом Смутьским³⁶ «Лили» Ден³⁷ с ее сыном

³⁴ См. Приложение № 1, стр. 31 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). Велецкая, рожденная Хорват, по первому браку Смутьская, была одной из трех сестер генерала Димитрия Леонидовича Хорвата, начальника Восточно-Китайской жел[езной] дороги и дальневосточного диктатора. Отличалась большой предприимчивостью (*комментарий Д. Н. Тихобразова*).

Хорват (Смутьская, Велецкая) Екатерина Леонидовна — сестра генерала Д. Л. Хорвата. Хорват Дмитрий Леонидович (25.07.1858 — 16.05.1937) — генерал-лейтенант. Управляющий Китайско-Восточной железной дорогой.

³⁵ См. Приложение № 2, стр. 31 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). «Тетя Катя» уже фигурировала в моих воспоминаниях на стр. 96–100 главы II «В штабе 3-й армии» (*комментарий Д. Н. Тихобразова*).

³⁶ Смутьский Александр Адамович (21.02.1858-?) — генерал-майор.

³⁷ См. Приложение № 3, стр. 31 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). «Лили» Ден, дочь Е. Л. Велецкой от ее первого брака. Высокая, стройная дама, очень сдержанная и замкнутого характера, державшая себя с большим достоинством и на вид очень холодная и «неподступная». На самом деле была очень милой и приятной особой, но не склонной на откровенность. Прошедшего в разговорах не касалась. Хотя в Одессе [зимой 1918–1919 года (*примеч. Д. Н. Тихобразова*)] я и жил в ее семье, занимавшей две комнаты и, казалось бы, мог рассчитывать услышать вещи, касающиеся ее отношения к императрице и ее жизни в Царскосельском дворце в тревожные дни царского

отречения (изредка принимаемая императрицей, кухня моей первой жены была постоянно при государыне в дни крушения монархии и покинула дворец лишь по требованию Керенского), но «Лили» этого вопроса не подымала, разве только подтвердила мне получение ею моей телеграммы от 6 марта 1917 г., давшей первые сведения о государе, связь которого с царской семьей была прервана. В другой раз «Лили» разразилась негодованием по адресу флигель-адъютанта Саблина, в эти тревожные дни не пришедшего на зов императрицы, отговорившись насморком. Не имея личного свидетельства, могу ответить по первой части вопроса, приводя выдержки из опубликованных писем императрицы государю.

Первые сведения относятся к 17 апреля 1915 года. «Лили Д. придет ко мне на полчаса» (письмо № 69).

4 октября 1915 г. «Аня и Лили Ден приходят обедать» (письмо № 133).

5 октября 1915 г.: «Лили Ден была вчера вечером. Очень красива и мила» (№ 134).

11 ноября 1915 г.: «Вчера днем милая Лили была у нас к чаю по дороге из Гельсингфорса в деревню. Она видела своего мужа, и он ей рассказал много интересных эпизодов из их боевой жизни, как они стреляли с моря на берег» (письмо № 155). Таким образом, с ноября 1915 года Лили Д. становится «Милой Лили».

13 февраля 1916 г. государыня пишет: «Лили Ден и ее муж вчера пришли на час и вечером пили чай — она в самом деле душка и всегда такая забавная, но его глупый смех довольно трудно выносить. Получает ли он “Варяга?”» (письмо № 213).

Попав в общество императрицы и «Ани» Вырубовой, «Лили» автоматически входит в их «кружок».

8 марта 1916 года императрица сообщает государю, что Лили похудела, и ее глаза все время наполняются слезами (письмо № 223). Такое состояние вызвано было разлукой с мужем, получившим «Варяга», отходившего на Дальний Восток.

«Лили» едет в Японию, о чем свидетельствует письмо императрицы от 23 июня 1916 г. за № 297: «Я видела милую Лили Ден у Ани сегодня вечером — она только что вернулась — наши суда отошли — Бог да охранит их. Она провела две недели в Японии, т.к. ее мужа туда послали. В Киото она жила в доме, даже в комнатах, в которых ты проживал. Она вполне под впечатлением Японии, где ей удалось очень много увидеть. Ей очень удивлялись на улицах, и маленькие японки удивлялись ею и повисали по обеим сторонам этой великаныши. Она привезла мне слона из слоновой кости, а также каждой из девочек и Беби. Я ему посылаю его. Слоны приносят счастье, особенно число семь, а у нас семь слонов, так как у Беби два».

С какого времени «Лили» встречалась с Распутиным, сказать не могу. Имени его Лили никогда не упоминала. О ее знакомстве узнала я после революции, когда появились в печати репродукции фотографий, сделанных в столовой старца. На одной из них, на которой «старец» принял благообразную позу и сидит, окруженный 14-ю дамами, Лили стоит на пороге открытой в столовую двери.

На другой — Лили сидит за чайным столом между «старцем» и его дочерью, причем старец, по-видимому, прижимает Лили к себе. На этой фотографии дам вдвое меньше.

К какому времени относятся обе эти фотографии, сказать не могу.

Когда в Тобольске открываются мощи нового святого, «Аня уезжает с нашим другом и милой Лили в Тобольск помолиться перед мощами нового святого», — пишет императрица 4 августа 1916 года (письмо № 324).

16 августа. «Аня и Лили Ден сегодня вечером доехали до Покровского» [Родина Распутина (*примеч. Д. Н. Тихобразова*)] (письмо № 335).

Что отразилось на здоровье «Лили», сказать не могу, только государыня 27 октября написала царю, что «Лили Ден с нами завтракала. Она выглядит очень больной, позеленела и похудела, сегодня уезжает в Крым» (письмо № 374).

В декабре Лили опять в Петрограде: «Милая большая Лили также пришла, но попожже» (письмо № 393 от 6 дек[абря]).

Накануне убийства Распутина императрица писала государю: «Теперь вот какое чудо (так все говорят). “Варяг” прибыл раньше всех других — шторм 40 баллов — от Гибралтара до Глазго. Волны не только просто переливались, но, увы, все залили, машины неважные, придется скоро ремонтировать в Англии. Наш друг беспокоил-

«Тити»³⁸ и его гувернанткой, канадской молодой хохлушкой. Для меня свободной комнаты в особняке не было, и мне нанята была поблизости маленькая, только что выбеленная комната в одном из ближайших домиков, где я проводил за чтением и писанием время до завтрака, к которому вся семья собиралась в большой столовой особняка.

Екатерина Леонидовна любила хорошо покушать, обстоятельство, которое мне очень было на руку.

Днем запрягалась пролетка, и рысак³⁹ переносил «Лили» через днепровский мост в Кременчуг, где она покупала большое количество дорогостоящих пирожных и отборные фрукты, которых, однако, я за нашим столом не видел. «Это для кинематографа», — пояснила мне раз «Лили».

ся, когда они вышли из Владивостока, но они имели Божье благословение и были спасены, потому что Лили, веруя, поехала в Верхотурье и в Тобольск с Григорием и Аней летом» (письмо № 402 от 15 декабря 1916 г.).

В двадцатых числах декабря 1916 г. я познакомился с «Лили Ден», когда она пришла к своей кузине в мой номер Европейской гостиницы, ответственный мне как члену Петроградской междусоюзнической конференции (*комментарий Д. Н. Тихобразова*). Керенский Александр Федорович (22.04.1881 — 11.06.1970) — министр-председатель Временного правительства (1917). «Лили» Ден — фон Ден Юлия Александровна (27.07.1885 — 08.10.1963) — подруга императрицы Александры Федоровны, супруга командира крейсера «Варяг» капитана 2-го ранга К. И. фон Дена (28.02.1877 — 1932). Распутин (Новых) Григорий Ефимович (09.01.1869 — 17.12.1916) — авантюрист, приобретший влияние при дворе императора Николая II. Вырубова Анна Александровна (16.07.1884 — 20.07.1964) — ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны. Беби — прозвище наследника цесаревича Алексея Николаевича (30.07.1904 — 17.07.1918). Саблин Николай Павлович (16.04.1880 — 21.08.1937) — флигель-адъютант, капитан 1-го ранга.

³⁸ См. Приложение № 4, стр. 38 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). «Тити» был высоким, худеньким мальчиком, «маминным сынком», которого светское воспитание делало робким и безличным. По примеру отца, крещеного по лютеранскому обряду, Тити под влиянием императрицы был переведен в православие, ставши крестником императрицы. До знакомства с императрицей Тити носил длинные локоны, но с середины марта 1916 года по ее настоянию их остригли, и мальчик обрел более «мужественный» вид. Вот что пишет государыня царю про этого мальчика: 9 марта 1916 г.: «Сын Лили Ден приезжает к Ане на 2 дня и 2 ночи. Я так рада за этого прелестного ребенка и попрошу, чтобы он также побывал у меня, и дети могут повести его в сад» (письмо № 224).

13 марта: «Маленький Тити играл на снежной башне с детьми вчера и очень веселился. Сегодня он опять возвращается в город».

15–16 марта: «Тити погуляет с детьми, а перед чаем я распорядюсь, чтобы ему остригли волосы. Лили никак не могла на это решиться, так как длинные волосы скрывали его торчащие уши. Так она позволила это сделать, говоря, что это будет ей не так больно; а я уверена, что он будет выглядеть гораздо лучше, так как он уже такой большой мальчик. Завтра он уезжает в Ревель и будет там жить с родственниками. Это мне грустно, он для Алексея хороший товарищ в играх» (№ 231).

Что же касается до его перехода в православие, оно произошло на три месяца раньше и описано в письмах императрицы №№ 179 и 180 от 20 и 21 декабря 1915 года. В обоих письмах государыня пишет: «Он мой крестник». Д. Тихобразов (*комментарий Д. Н. Тихобразова*).

³⁹ «Тити» — Ден Александр Карлович (1908–1980) — сын К. И. фон Дена и Ю. А. фон Ден.

У Велецкой в Белецковке была собственная конюшня, любимое детище ее покойного мужа (*примеч. Д. Н. Тихобразова*).

– Разве будет кто-нибудь их покупать? У кого найдутся теперь такие бешеные деньги?

– А вот вечером пойдите с нами в кинематограф, и тогда посмотрите, как скоро они все разойдутся.

После ужина мы пошли в кинематограф. Он был битком набит; нас, конечно, без билетов провели на задержанные нам места.

В антракте Лили повела меня к буфету «посмотреть». Мы стали у дверей. Буфетная комната была полна простым людом — рабочими и солдатней. В воздухе вился дым от махорки; на пол падали плевки и шелуха от семечек. Громкие голоса и смех. У горки больших, отборных груш стоит человек в солдатской шинели. Обращаясь к молоденькой буфетчице: «Почем?»

«По пяти рублей».

Я так и ахнул. Солдата цена не смутила. Он вынул деньги, и сочная груша была съедена в несколько приемов... Он подошел к пирожным и стал в очередь.

– Теперь вы убедились, что в настоящее время «самое дорогое» — самый ходкий товар, — сказала «Лили», увлекая меня в зрительную залу, кивнув молодой кассирше, еле успевавшей принимать деньги от облепившего ее прилавок народа.

Когда сеанс кончился и кинематограф опустел, мы пошли помогать кассирше считать бумажки и монеты, которых была целая гора.

На прилавке оставалось немного пирожных и фруктов. Подвели расчет. Просчета никакого не было, что было удивительно. Кассирша получила условленное жалованье; столько же наградных и часть оставшегося «товара». Остальное пошло нам на стол.

На другой день «Лили» снова поехала в Кременчуг закупать лакомства, но в кинематограф мы больше не пошли.

Безмятежность нашей жизни в Крюкове была нарушена самым неожиданным образом⁴⁰.

Д. Тихобразов.

*Бахметевский архив русской
и восточноевропейской истории и культуры
Колумбийского университета
(Bakhtmeteff Archive of Russian
and East European History and Culture,
Columbia University).
Тихобразов Д. Н. Воспоминания.
Глава XVIII. У петлюровцев. С. 1–39.
Подлинник. Рукопись.*

⁴⁰ Речь шла о советском наступлении. Спасаясь от наступающих красных, Д. Н. Тихобразов вывез драгоценности Ю. А. фон Ден, спрятав их у себя в нижнем белье.

Литература

- Ганин А. В. Могилев. Ставка. Генерал на штыках // Родина. 2021. № 8. С. 108–111.
- Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004.
- Тинченко Я. Ю. Армии Украины 1917–1920 гг. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002.
- Черная книга. Дневники гвардейского офицера В. С. Савонько. 1899–1909 / Сост. А. И. Алексеев и др. М.: Индрик, 2019.

References

- Alekseev, A. I., et al., eds, 2019. *Chernaia kniga. Dnevniki gvardeiskogo ofitsera V. S. Savon'ko. 1899–1909* [The Black Book. Diaries of the Guards officer V. S. Savonko. 1899–1909]. Moscow: Indrik. (in Russ.)
- Ganin, A. V., 2021. Mogilev. Stavka. General na shtykakh [Mogilev. General Headquarters. General on bayonets]. *Rodina*, 8, pp. 108–111. (in Russ.)
- Sidak, V., Ostashko, T., Vrons'ka, T., 2004. *Polkovnyk Petro Bolbochan: trahediia ukrains'koho derzhavnyka* [The colonel Petro Bolbochan: a tragedy of the Ukrainian statesman]. Kyiv: Tempora. (in Ukr.)
- Tinchenko, Ia. Iu., 2002. *Armii Ukrainy 1917–1920 gg.* [Armies of Ukraine, 1917–1920]. Moscow: ООО “Vostochnyi gorizont” (in Russ.).